

УДК 323.23

«СКЛОКА» КАК СПОСОБ САМОРЕГУЛЯЦИИ РАЙОННОЙ ЭЛИТЫ В 1920-Е ГОДЫ¹

В.В. Шабалин

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Vlashhh@yandex.ru

Рассматривается такое малоизученное явление партийной жизни 1920-х гг., как конфликты между неформальными группами ответственных работников («склоки»). Анализируются реконструированные на основе архивных материалов случаи конфликтов, происходивших в районах Пермского округа. Описываются технологии борьбы, применяемые их участниками, выявляются функции «склоки».

Ключевые слова: РКП (б), номенклатура, ответственный работник, клика, «склока», конфликт.

В первой половине 20-х гг. руководители РКП(б) озаботились вопросами внутривнутрипартийной этики. Они стали актуальными как только стало понятно, что за годы Гражданской войны в партию вступили люди с совершенно разным культурным багажом. Среди большевиков можно было встретить разных людей: революционеров-аскетов и откровенных карьеристов, носителей так называемых «пережитков прошлого» и леваков, готовых с нуля создавать новую культуру. Смешение разных моделей поведения порождало разногласия по поводу того, каким должен быть образцовый член партии. Остро встал вопрос выработки ясных представлений о допустимом и недопустимом поведении коммуниста. Этому была посвящена внутривнутрипартийная дискуссия в середине 20-х гг. Обсуждение этических проблем, правда, сводилось, скорее, к выявлению и осуждению пороков, чем к созданию положительных образцов.

В отчете Центральной контрольной комиссии (ЦКК) на XIII съезде РКП (б) были выделены пять таких пороков – злостных проступков, затрагивающих все слои партии: склока, нарушение партдисциплины, пьянство, религиозные обряды и карьеризм-бюрокрализм, объединенный в одну графу с некоммунистическим образом жизни [*Партийная этика*, 1989, с.395].

Статья посвящена «склоке», явлению, которое почти не привлекало внимания исследователей. «Склоками» и «дрязгами» в партийных документах 1920-х гг., а именно на этом периоде сосредоточено внимание в статье, называли конфликты, не имеющие идеологического содержания. Это были ссоры между коммунистами, которые всегда переходили в межличностное противостояние.

Почему же склоки не вызывали интереса у исследователей? Причин, как мне кажется, было несколько. В советской историографии таким темам просто не было места и по этическим, и по методологическим причинам. Межличностные ссоры большевиков слабо вписывались в модель классовой борьбы. Позже явление потерялось на фоне более ярких тем, например, противоборства Сталина и Троцкого. В постсоветской историографии склоки появляются в качестве второстепенных, вспомогательных сюжетов в работах, посвященных различным аспектам партийной истории 20-х гг. Среди современных авторов, затрагивающих тему склок, можно отметить Г.Л. Олеха [*Олех*], Р.А. Малахова, Ю.А. Перебиноса [*Малахов, Перебинос*], А.А. Колдушко [*Колдушко*, 2012, с. 175–176] и А.Н. Чистикова [*Чистиков*, 2007]. Работу последнего автора нужно выделить особо, в ней довольно подробно рассматриваются обстоятельства и развитие конфликтов в партийных организациях северо-западной части РСФСР в 1920-е гг.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и такие причины невнимания к склокам, как неприглядность и кажущаяся банальность темы. В дрязгах, которые порой принимали весьма отталкивающие формы, можно увидеть проявление процессов, известных многим историкам периода. С одной стороны, проявление несогласованной деятельности становящихся властных структур нового государства, споры о компетенциях, которые выливались в ссоры между управленцами, с другой стороны, проявление психической неустойчивости партработников, нервные системы которых бы-

ли изношены за время Гражданской войны. Не оспаривая этих объяснений и соглашаясь с ними, хочу обратить внимание на то, что целенаправленное исследование склок, в том числе, с использованием микроисторического подхода, поможет углубить наши знания об организации власти на местах в 20-е гг., об образе жизни и функционировании региональных управленческих элит.

Дело в том, что рассматриваемый тип конфликтов возникал чаще всего между коммунистами, занимающими руководящие посты. В отчете ЦКК XIII съезду РКП (б) прямо указывалось, что склока – это один из проступков, свойственных главным образом «ответственным членам партии» [*Партийная этика*, 1989, с. 396]. Причем субъектами этих конфликтов зачастую выступали не отдельные коммунисты, а неформальные сообщества² партийных и советских ответработников – *группы (группировки, группки)*, как их называли в партийных документах. Именно такие – межгрупповые – столкновения в регионах больше всего беспокоили центральную власть.

Склоки между *группами* были настолько распространены в конце Гражданской войны и в послевоенный период, что становились предметом обсуждения на нескольких партийных съездах. Особенно большевистских лидеров беспокоили дрязги в губернских комитетах партии. На съездах явление характеризовалось как «бич», который парализует работу местной власти. Пик обсуждения таких конфликтов пришелся на XI съезд партии. В частности, Г.Е. Зиновьев с тревогой отмечал распространенность этого явления в местных парторганизациях и даже привел своеобразную классификацию склок, выделив их разновидности: «более молодые против более старых, уездные против городских, партийные против советских, совнархозовцы против профсоюзозцев, и наоборот, губпродкомы с совнархозами, и пр. и пр.» [*Протоколы...*, 1936, с. 424].

Явление однозначно было зачислено в разряд «болезненных» и осуждено. Зиновьев даже предлагал запретить существование *групп* так же, как было запрещено существование в партии фракций [*Протоколы...*, 1936, с. 424].

На XII съезде РКП (б) вопрос о конфликтах тоже поднимался, но И.В. Сталин, делавший отчетный доклад ЦК, в своем выступлении фактически подвел финальную черту под обсуждением, переведя проблему в разряд рутинных вопросов о партэтике. Подчеркнув, что склоки принимают порой «уродливые формы» и, повторив ритуальную фразу о необходимости борьбы с этим явлением, генеральный секретарь партии предложил его новое видение: «Я должен сказать, что склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны. Основным источником склок и дрязг является стремление губкомов создать внутри себя спаянное ядро, сплоченное ядро, могущее руководить как один». Фактически реабилитированы, конечно, временно, были и борющиеся друг с другом *группы*: «Не нужно доказывать, что если бы таких руководящих групп в губкомах не было, если бы все было сколочено так, чтобы "хорошие" и "плохие" уравнивали друг друга, никакого руководства в губернии не было бы...» [*Двенадцатый*, 1968, с. 66].

Причин изменения отношения к склокам могло быть несколько. Высшие партийные органы явно не были способны окончательно справиться с этим пороком и попытались смягчить к нему отношение и хотя бы частично, с оговорками, его принять. Кроме того, Сталин, укреплявший свои позиции во власти, вероятно, хотел заключить своеобразное соглашение с региональными ответработниками³, получить их лояльность в обмен на отказ от жестких санкций за склоки.

Так или иначе на XIII съезде, прошедшем в мае 1924 г., было констатировано, что внутренняя жизнь парторганизаций улучшилась: «Получается впечатление, что организации отстоялись, склок мало, деловая работа идет» [*Тринадцатый...*, 1963, с. 120]. Исключения наблюдались только где-то на окраинах. Само слово «сколка» в стенограмме съезда встречается лишь несколько раз.

Можно ли говорить о том, что склоки на местах после 1924 г. становились достоянием прошлого? Документы свидетельствуют, что нет. Возможно, у руля управления большинством губерний и областей, пройдя естественный отбор, закрепились наиболее сильные *группы*, а конфликты переместились на нижние этажи аппарата управления, возможно, *группы* научились договариваться друг с другом, вероятно также, что местные дрязги были заслонены межфракционной борьбой, но само явление никуда не делось. Материалы архива (ПермГАНИ⁴) показывают, что по крайней мере на уровне районов в середине – второй половине 20-х гг. конфликты, в которые были вовлечены неформальные сообщества ответработников, продолжались. Из примерно десятка обнаруженных в Пермском округе⁵ склок, относящихся к 1925–1928 гг., мне удалось относительно детально реконструировать⁶ три: в Оханском [*Шабалин*, 2011, с. 88–105], Ленинском и Лысьвенском районах⁷. Кроме того, был выявлен крупномасштабный конфликт, аппаратная война, между двумя

большими кланами⁸ уральской номенклатуры в 1927-1928 гг. [Шабалин, 2003, с. 147–153].

Чем интересен районный этаж власти? Склоки на данном уровне имели меньший масштаб, что делает их удобными для изучения. Кроме того, это был один из важнейших уровней аппарата управления страной. Именно районные руководители непосредственно контактировали с населением, осуществляли реализацию государственной политики и олицетворяли собой большевистскую власть. Находясь по преимуществу в крестьянском окружении, которое относилось к новой власти как минимум без восторга, а зачастую и враждебно, в отдалении от контролирующих органов, местные начальники создавали сообщества, принимая во внимание не только членство в партии, но и неформальные связи. То есть на районном уровне существовали такие же *группы*, или, говоря социологическим языком, «клики»⁹, как те, наличие которых в губкомах констатировалось на съездах.

Принадлежность к подобным неформальным сообществам, скрепленным дружескими отношениями, позволяла не только быстро, без бумажной волокиты, решать управленческие вопросы, но и оказывать взаимные услуги в ситуациях нарушения партийной этики или закона.

Клики управленцев стремились скрывать свою внутреннюю «кухню» от центра и болезненно реагировали, если что-то неприглядное становилось достоянием высокого начальства. *Группам* было что скрывать: это и пьянство, и подбор кадров на основе личных симпатий, а не деловых навыков, и некачественное исполнение директив, и растраты и многое другое¹⁰. М. Фэйнсод, называвший неформальные объединения ответработников «семейным кругом», справедливо отмечал, что «семейственность была смертельным врагом контроля...» [Фэйнсод, 1995, с.130].

Структура клик была примерно одинакова. Центральной фигурой ее являлся ответственный (политический) секретарь районного комитета партии. Если у него была жена, то она становилось фактически вторым по значимости человеком в районе. Так было, например, в Оханске и с. Григорьевское (центр Ленинского района). В обоих случаях, впрочем, у жен было несколько официальных должностей: помимо членов райкома партии, они были женорганизаторами, руководителями профсоюзной организации и т.п. К ядру клики можно также отнести ближайших товарищей секретаря и «ответственных» подруг его жены. В Григорьевском таким товарищем был председатель районного исполнительного комитета, а в Оханске – уполномоченный районной контрольной комиссии.

К ядру клики примыкали лояльные политическому секретарю ответработники, которые находились с ним либо в патрон-клиентских отношениях, либо в альянсе. Можно выделить еще и периферию клики. На ней находились партийцы невысокого ранга, личные отношения с которыми были менее тесными, но которые признавали сложившуюся в районе конфигурацию власти.

Клики, управлявшие провинцией, стремились, насколько это было возможно, контролировать состав своего сообщества. Незванный чужак, присланный вышестоящими инстанциями, мог нарушить сложившуюся расстановку сил в районе. Архивные материалы изобилуют перепиской секретарей райкомов с вышестоящими органами, содержащей торг по поводу кандидатов на ту или иную должность в местной иерархии. Секретари райкомов могли активно возражать против отъезда из организации ответработника, предлагали свои кандидатуры на занятие вакантных должностей. Когда же центр присылал несогласованную кандидатуру, у «местных» оставалось, по сути, только два варианта действия для сохранения своего мирка. Первый – включить нового управленца (управленцев) в свой неформальный круг. Для этого существовал старый проверенный способ – участие в совместном пиршестве, попросту говоря, в пьянке¹¹. Это мероприятие было одновременно и своеобразной инициацией, и проверкой готовности человека присоединиться к местному сообществу ответработников. Второй вариант – отторжение новичка. Социальным механизмом отторжения и была склока.

Случаи, которые нам удалось реконструировать, представляли собой групповые конфликты. Причем изгоняемые группы в двух случаях из трех сложились в процессе противостояния и были довольно неустойчивыми. В Оханске доминирующая клика «воевала» с председателем райисполкома и уполномоченным ОГПУ; в Григорьевском – с библиотекарем (она же поселковый женорганизатор) и опять же с сотрудником ОГПУ; в г. Лысьва под давлением оказалась супружеская чета: муж – помощник директора металлургического завода и жена – освобожденный секретарь крупной цеховой ячейки. Во всех рассматриваемых случаях у изгоняемых были сторонники и сочувствующие, в разной степени вовлеченные в конфликт, но все они по численности и статусу уступали со-

перникам.

Во всех трех случаях склока начиналась после неудачных попыток ввести новых работников в свой неформальный круг. (С фигурами менее значимыми могли обходиться проще – сразу подвергали гонениям). «Боевые» действия начинались после периода взаимного недовольства, с события, которое переполняло чашу терпения сторон. В Оханске, например, таким событием стал отказ председателя РИКа выплатить деньги за отработанные сверхурочные часы советским работникам, чего требовала жена секретаря, возглавлявшая профорганизацию. Затем начиналось преследование неугодных («сживание»), которые сопротивлялись с разной степенью успешности. Заканчивался конфликт приездом партийной комиссии из окружного центра, которая раздавала главным участникам конфликта наказания и рассылала их по разным районам.

Склока представляла собой растянутую во времени серию взаимных выпадов, частично спонтанных, частично спланированных. Конфликт принимал разные формы: от обычной ругани и взаимных оскорблений до применения официальных санкций. Противники использовали разнообразные методы борьбы, некоторые из которых описаны далее.

Психологическое давление. Одним из приемов психологического воздействия было так называемое «игнорирование». Слово использовалось в официальных документах¹² без расшифровки, но из контекста словоупотребления видно, что речь идет не только об ограничении личного общения с объектом травли, но и о блокировании официально-ролевого взаимодействия. Очевидец описывал, как ответственный секретарь Оханского райкома Н. Круглов реагировал на своего подчиненного – партийного руководителя Юго-Камского завода. Когда он за несколько километров приезжал к секретарю советоваться, «тот на него мало внимания обращал». Третируемый сотрудник жаловался, «что так работать трудно при таких взаимоотношениях с Райкомом»¹³, и в итоге, устав от такого отношения, добровольно уехал из Юго-Камска.

Другим приемом психологического давления была критика на официальных мероприятиях, причем речь шла не просто о разборе проделанной работы, а об избыточном, систематическом фактически преследовании работника. Критика сопровождалась высмеиванием и руганью, даже с употреблением крепких выражений. В Оханске преследованиям подвергся председатель районного секретариата профсоюзов. Секретариат был недавно созданным органом, который должен был возглавить все профорганизации района. Его председатель Д. Середкин, командированный окружкомом партии, продержался на своем посту немногим больше полугода. Супруга секретаря райкома, руководившая крупнейшей в районе профессиональной организацией совторгслужащих, сделала его дальнейшую работу невозможной. Середкин вспоминал, что А. Круглова постоянно высказывала своему формальному начальнику недовольство: «мол райсекретариат это не нужная профорганизация, это нарост на теле профсоюзов и т.п.». На заседаниях же секретариата было больше «злой критики и насмешек», чем «деловитости»¹⁴. Слова председателя подтверждали и другие коммунисты, являвшиеся свидетелями травли. Так, один из них отмечал, что во время выступлений Середкина жена секретаря райкома позволяла себе «иронические насмешки и нетактичные замечания»¹⁵. Заметим, что все это происходило на глазах у председателя районной контрольной комиссии и секретаря райкома партии, которые ничего не сделали для урегулирования конфликта, а фактически поддержали А. Круглову. В итоге Середкин свой пост покинул.

История с председателем райсекретариата профсоюзов могла бы остаться незамеченной, если бы чета Кругловых не попыталась проделать ту же операцию с новым председателем райисполкома. Именно конфликт с ним и привлек в район партийную комиссию, которая провела расследование подробностей склоки.

Еще одним приемом психологического давления на оппонента мог стать вызов для объяснений в райком или к уполномоченному КК. Поводом мог служить поступок, который до конфликта не вызывал интереса у районного руководства. Так, в том же Оханске сотрудник ОГПУ должен был отчитываться за пьянство и появление в нетрезвом виде на улице.

Реже в отношении противников инициировали возбуждение судебных дел. С учетом того, что районные судьи или народные следователи могли принадлежать к местной клике, исход таких процессов не сложно угадать. В известных мне случаях преследуемые отделялись испугом, до приговоров дело не доходило. Описанный прием, например, был использован в Ленинском районе, где судья находился в очень хороших отношениях с секретарем райкома В.Я. Таракановым. Противники местной *группы* – уполномоченный ОГПУ и его информатор были обвинены в распитии

кумышки (самогона), и только вмешательство окружной КК спасло их от разбирательства.

Дискредитация. Одним из широко распространенных приемов было обвинение друг друга в неэффективной работе и нарушении партийной этики. (Обвинения политического характера: контакты с бывшими белогвардейцами, антисоветски настроенными сотрудниками, намеки на принадлежность к оппозиции в рассмотренных случаях почему-то не были замечены комиссиями, проводившими разбор дел). Быть аморальным или «слабым»¹⁶ работником в глазах окружного или областного начальства было плохо и могло повлечь за собой проблемы с карьерой. Информация, поданная особым образом, доводилось до руководства в письменных жалобах, докладных, отчетах и подобных документах.

Самый яркий случай, который зафиксирован в документах, – помещение сотрудником ОГПУ (с. Григорьевское) в сводку, отправленную в центр, частично искаженных, частично непроверенных данных о пьяной оргии, которую устроили руководители района. Чекист сообщал, что 6 января 1925 г. в доме нарследователя был «вечер», на который собрались первые лица района и который закончился пьяным скандалом. Председатель райисполкома Степычев «вылил большую кружку пива на голову жены нарсудьи Иванова, а последняяхватила его всей корчагой»¹⁷ и между ними завязалась драка». Согласно документу 7 января пьянство продолжилось уже у Степычева и превратилось в настоящую вакханалию: «На другой день в гостях у Степычева ИВАНОВ снял брюки и ходил предлагал услуги дамам, вообще гости были до такой степени пьяны, что в корчагу из которой уже выпили пиво – испражнились»¹⁸.

Для дискредитации соперников использовали выступления на конференциях и заседаниях, на которых присутствовали представители вышестоящих органов. Результативность таких выступлений повышалась, когда одна из сторон успевала организовать выступающих, заранее обсудив с ними линию поведения и тематику докладов и реплик (Лысьва¹⁹, Григорьевское).

Такой же негативный образ создавали и в общественном мнении местного населения. Делалось это для того, чтобы, с одной стороны, изолировать противников и сделать их пребывание в районе некомфортным, а с другой стороны, опять-таки выставить их в негативном свете перед областным и окружным руководством. Последнее по разным линиям (советской, ОГПУ, профсоюзной) регулярно получало информацию о настроении местного населения, в том числе о его отношении к власти, которую представляли районные начальники.

Лишение статуса. Эффективным приемом борьбы было лишение соперника официального статуса. Преимущество в этом случае имела та сторона, которую возглавлял политический секретарь. Если соперник проявлял настойчивость и не капитулировал, то его под благовидным предлогом смещали с должности и/или изгоняли из рядов партии. Это символическое уничтожение противника было крайней, но действенной мерой. Уволенный сотрудник не мог больше пользоваться ресурсом, который предоставляла ему его должность, а человек, лишенный партбилета, терял карьерные возможности и привилегии, к тому же на него навешивалась «стигма» (пьяницы, склочника и т.п.). Именно так закончились реконструируемые случаи.

В Оханске доминирующая *группа* сместила с должности председателя РИК, а уполномоченного ОГПУ, чье смещение было вне юрисдикции райкома, выдворила из партии. В Григорьевском главная возмутительница спокойствия была лишена партнагрузки – работы с женщинами поселка – и также изгнана из партии. В Лысьве секретарь цехячейки была смещена с должности, а ее муж получил строгий выговор с предупреждением по партийной линии, а затем уволен с должности.

Приведенный перечень не исчерпывает всех приемов, используемых склочниками. Однако он позволяет выявить задачи, которые решали доминирующие *группы* при помощи склок.

Первая задача – это сохранение высокого (официального и неформального) статуса лидеров *группы* и удержание власти над районом. Новый управленец мог ограничить влияние местной клики ответработников, просто играя по официальным правилам. Чем больше появлялось таких «законников», тем меньшим становилось влияние местных товарищей. Худшим вариантом было появление лица, претендующего на роль лидера. И в первой и во второй ситуации склока позволяла устранить угрозу.

Другая проблема, которую помогала разрешать склока, тоже связана с ситуацией появления чужака. Он был опасен тем, что мог увидеть нарушения закона и партийной этики, которые совершались в районе. «Новичок» мог проинформировать вышестоящее начальство о недочетах и «безобразиях», что вело к ликвидации *группы*. То есть склока оберегала клику от разоблачений.

И, наконец, при помощи склок местные *группы* стремились сохранить определенную автономность, независимость от вышестоящих партийных и государственных инстанций. После окончания войны государство наращивало свое присутствие в регионах, упорядочивая систему управления и сокращая влияние местных *групп*. Надо полагать, что провинциальные ответработники, привыкшие к определенной бесконтрольности, свойственной раннему периоду государственного строительства, болезненно переживали этот процесс. Клики не могли ничего поделать с новыми государственными или подконтрольными государству структурами, но они могли влиять на лиц, которые играли в этих структурах важные роли. Не находя общего языка с новыми государственными служащими или партийными чиновниками, клика могла оказать на них давление, заставив покинуть свой пост. При удачном стечении обстоятельств местные ответработники выдвигали своего человека на освободившуюся должность.

Изучение склок позволяет не только увидеть нравы партийно-советской бюрократии после-революционной эпохи, но и обнаружить культурное (в более широком смысле этого слова) своеобразие этого социального слоя. В частности, того, как управленцами 20-х гг. осваивались бюрократические процедуры. Происходило это медленно и делалось, скорее, для начальства, чем для дела. Отношения же с равными по статусу коллегами и с подчиненными строились по-другому. В этих связях высока была роль личностных неформальных связей. Секретарь райкома партии, например, с лояльными сотрудниками вел себя как собутыльник, партнер по преферансу или рыбной ловле и т.п. Но стоило появиться чужаку, как он превращался в строгого отца, наказывающего провинившегося сотрудника-«ребенка» игнорированием или во взводного, который командирским голосом объясняет рядовому, где его место.

Районами и округами руководили люди, которым ближе были управленческие технологии, позаимствованные из семейного, армейского, заводского опыта. Именно эти люди стояли у начала такого явления, как «номенклатура». Они создавали поведенческие образцы (в том числе для преодоления конфликтных ситуаций), которые усваивались следующими поколениями управленцев²⁰.

Примечания

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

² О роли неформальных личных связей в управлении советским государством в 20-30-е гг. см. работу американского историка Дж. М. Истера [*Истер*, 2010].

³ Концепция контрактных отношений верховной власти и номенклатуры сформулирована в работах К.В. Титова [*Титов*, 2005, с. 132–141].

⁴ ПермГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории.

⁵ Пермский округ занимал центральную часть современного Пермского края, состоял из 20 районов и являлся одной из наиболее экономически развитых частей Уральской области. Основная масса населения занималась сельским хозяйством, но округ также включал ряд промышленных центров. Помимо Перми с Мотовилихой, к ним можно отнести также г. Лысьву, Чусовской, Нытвенский заводские поселки и др.

⁶ Реконструкция проводилась на основе архивных материалов из фондов Пермского окружкома и окружной контрольной комиссии, а также материалов районных партийных органов.

⁷ Административным центром сельскохозяйственного Ленинского района было село Григорьевское с населением около 1 тыс. человек. Более крупный населенный пункт, с примерно 2 тыс. жителей, – город Оханск, расположенный на р. Кама, был центром другого сельскохозяйственного района. Самым же крупным из трех райцентров был г. Лысьва, где в рассматриваемое время проживало около 27 тыс. человек.

⁸ Антропологический термин «клан», применяемый в других социальных и гуманитарных дисциплинах, например, в политологии или истории, теряет свою научную точность. Им обозначают то влиятельную группу, объединенную этническим происхождением или семейными узами (клан Кеннеди), то неформальное сообщество единомышленников. В данном случае, применяя термин «клан», я хочу подчеркнуть различия двух схожих социальных явлений (клики и клана). Насколько я могу судить, уральские номенклатурные кланы представляли собой совокупность клик местных ответработников, т.е. были многочисленнее. Кроме того, если функцией клика, по крайней мере на уровне района, было стремление сохранить контроль над территорией, то задача клана, видимо, была амбициозней – продвижение своих представителей к вершинам власти (ЦК партии и т.п.).

⁹ Российская социологическая энциклопедия дает следующую трактовку термина: «Клика – (от франц. *clique* – шайка, банда) – первичная группа, члены которой объединены тесными неформальными связями, взаимными симпатиями, непосредственностью общения, общностью интересов, чувств, стремлений. Представляет собой группу соратников. Существуют дворцовые, финансовые, управленческие и др. К.

Иногда понятие «К.» употребляется для обозначения группы людей, тесно сплоченных между собой ради достижения любыми средствами определенного рода корыстных целей».

¹⁰ Многочисленные примеры таких нарушений можно найти, например, в главе 2 исследования В. Бровкина [Brovkin, 1998, p. 37-47].

¹¹ Подробнее об этом см.: Шабалин В.В. Пьянка, выпивка, попойка (фоновые практики районной номенклатуры) // Алкоголь в России: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. (Иваново, 28-29 октября 2011). Иваново, 2012. С. 19–25.

¹² См., например, документ, посвященный итогам расследования склоки в Оханске: Протокол № 72 заседания партийной коллегии Пермской окружной контрольной комиссии ВКП /б/ от 2 августа 1926 г. // ПермГАНИ. Ф. 1109. Оп. 1. Д.83. Л. 78.

¹³ Начальнику пермского окротдела ОГПУ // ПермГАНИ. Ф. 1109. Оп. 1. Д.83. Л. 11.

¹⁴ Объяснения Середкина // ПермГАНИ. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 83. Л. 52.

¹⁵ Объяснения по делу конфликта между бывшим пред райсекретариата тов. Середкиным и пред райкома профсоюза совторгслужащих тов. Кругловой // ПермГАНИ. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 83. Л. 57.

¹⁶ «Слабыми работниками» называли тех, кто не справлялся с порученной работой.

¹⁷ Корчага – большой глиняный горшок.

¹⁸ В Контрольную комиссию при Округжкоме РКП (б) лично тов. Гребневу // ПермГАНИ. Ф. 1109. Оп.1. Д. 57. Л. 1.

¹⁹ В Лысьве, уже в самом конце конфликта, представители пермской окружной организации, так и не смогли добиться от присутствующего на собрании местного партактива осуждения выбывшего ответственного секретаря райкома. Они считали, что выступления активистов были подготовлены заранее (Секретное информационное письмо в УралоблКК // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 25. Л. 92).

²⁰ О культурных особенностях номенклатуры 30–50-х гг. см., например, работы О. Лейбовича [Включен в операцию, 2009, с. 20–36; Лейбович, 2008].

Библиографический список

«Включен в операцию»: Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. М., 2009.

Двенадцатый съезд РКП (б): стеногр. отчет. М., 1968.

Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

Клика. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/619/word/klika/> (дата обращения: 01.07.2013).

Колдушко А.А. Процессы инкорпорации и эскорпорации партийной номенклатуры в 1920-х – 1930-х гг. // Власть. 2012. № 3.

Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М., 2008.

Малахов Р.А., Перебинос Ю.А. Вологодское чиновничество 1918–1930-х гг. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/4vo/log/da/9.htm> (дата обращения: 01.07.2013).

Олех Г.Л. Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. URL: http://www.zaimka.ru/power/olekh3_p3b.shtml (дата обращения: 01.07.2013).

Партийная этика (Документы и материалы дискуссии 20-х годов). М., 1989.

Протоколы одиннадцатого съезда РКП (б). М., 1936.

Титов К.В. Contract social по-хрущевски: доклад «О культе личности и его последствиях» как договор верховной власти с номенклатурой //Полис. 2005. № 5.

Тринадцатый съезд РКП (б): стеногр. отчет. М., 1963.

Фэйнсон М. Смоленск под властью Советов. Смоленск, 1995.

Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х гг. СПб., 2007.

Шабалин В.В. «Закулисная политика» (к истории внутривнутрипартийных конфликтов на Урале в 1920-х гг.) // Пермская элита: становление, развитие, современное состояние: материалы Интернет-конф. (январь–март 2003). Пермь, 2003.

Шабалин В.В. «Как и полагалось, жизнью района руководит Круглов ...» (конфликты и конвенции в среде партийно-советской бюрократии 20-х гг.) // Разрывы и конвенции в отечественной культуре. Пермь, 2011.

Brovkin V. Russia after Lenin: Politics, Culture and Society, 1921–1929. L., N.Y.: Routledge, 1998.

Дата поступления рукописи в редакцию 14.07.2013

«HASSLE» AS A WAY OF REGIONAL ELITE' SELF-CONTROL IN THE 1920s

V.V. Shabalin

National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia
Vlashhh@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of such an understudied phenomenon of the party life in the 1920s as hassles which meant the conflicts with no ideological basis. It distinguishes those conflicts from the fight between political fractions. They were declared as a type of inadmissible behavior for the Bolsheviks, but they still occurred in many cases. The collisions between individuals are not considered in the article as it is devoted to the conflicts between informal groups of the Soviet and party officials.

The Ural region cases of collisions between officials are reconstructed on the basis of archival materials. The analysis allows to describe some fight technologies applied by the participants of the hassles and to reveal their functions. Through the hassles the informal groups of the Soviet and party officials expelled their rivals from the area to keep their power and influence. They also resisted the strengthening of the state control over the province and used various mechanisms such as psychological pressure and institutional influence. In general the history of the hassles in the 1920s may be useful in expanding the vision of the “nomenclature” and its early history.

Key words: RCP(b), nomenclature, official, clique, hassle, conflict.

References

- «Vkluychen v operatsiyu»: Massovyy terror v Prikam'e v 1937-1938 gg. M., 2009.
Dvenadtsatyy s'ezd RKP (b): stenogr. otchet. M., 1968.
Ister Dzh. M. Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazey i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoj Rossii. M., 2010.
Klika. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/619/word/klika/> (data obrashcheniya: 01.07.2013).
Koldushko A.A. Protsessy inkorporatsii i eksorporatsii partiynoy nomenklatury v 1920-kh – 1930-kh gg. // *Vlast'*. 2012. № 3.
Leybovich O.L. V gorode M. Ocherki sotsial'noy povsednevnosti sovetskoj provintsii v 40-50-kh gg. M., 2008.
Malakhov R.A., Perebinos Yu.A. Vologodskoe chinovnichestvo 1918-1930-kh gg. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/4vo/log/da/9.htm> (data obrashcheniya: 01.07.2013).
Olekh G.L. Krovnye uzy. RKP(b) i ChK/GPU v pervoy polovine 1920-kh godov: mekhanizm vzaimootnosheniy. URL: http://www.zaimka.ru/power/olekh3_p3b.shtml (data obrashcheniya: 01.07.2013).
Partiynaya etika (Dokumenty i materialy diskussii 20-kh godov). M., 1989.
Protokoly odinnadtsatogo s'ezda RKP (b). M., 1936.
Titov K.V. Contract social po-khrushchevski: doklad «O kul'te lichnosti i ego posledstviyakh» kak dogovor verkhovnoy vlasti s nomenklaturoy // *Polis*. 2005. № 5.
Trinadtsatyy s'ezd RKP (b): stenogr. otchet. M., 1963.
Feynsod M. Smolensk pod vlast'yu Sovetov. Smolensk, 1995.
Chistikov A.N. Partiyno-gosudarstvennaya byurokратиya Severo-Zapada Sovetskoj Rossii 1920-kh gg. SPb., 2007.
Shabalin V.V. «Zakulisnaya politika» (k istorii vnutripartiynykh konfliktov na Urале v 1920-kh gg.) // *Permskaya elita: stanovlenie, razvitie, sovremennoe sostoyanie: mater. Internet konf. (yanvar'-mart 2003)*. Perm', 2003.
Shabalin V.V. «Kak i polagalos', zhizn'yu rayona rukovodit Kruglov ...» (konflikty i konventsii v srede partiyno-sovetskoj byurokratii 20-kh gg.) // *Razryvy i konventsii v otechestvennoy kul'ture*. Perm', 2011.
Brovkin V. Russia after Lenin: Politics, Culture and Society, 1921-1929. London, New York: Routledge. 1998.